

Двое молодых жрецов вжали головы в плечи и, не в силах больше это терпеть, принялись полущутя-полусерьезно оттаскивать старика в сторону. Один из них склонился перед Освальдом:

— Ваше Величество, я отведу жреца Могли в Палату лекарей. Здесь остается Доэн, он ответит на все ваши вопросы.

Освальд, потирая переносицу, кивнул, и молодой жрец, взвалив старика на плечо, поспешно вышел из обсерватории.

Оставшийся жрец Доэн поспешил объясниться перед Освальдом:

— Мы и сами были потрясены, когда истолковали это. Все звучит как полнейшая бессмыслица, но это чистая правда. Жрец Могли даже узрел одно видение.

— Какое видение? — нахмурившись, спросил Освальд.

Доэн ответил:

— Он сказал, что видел Старый замок Роз под проливным дождем. У полуразрушенной стены стоял темноволосый мужчина в белом одеянии. В руке он держал золотой длинный лук и смотрел назад, на полуразрушенную башню замка. Жрец Могли не смог разглядеть его лица, но заметил у него на шее золотой рисунок в виде птичьего крыла — он ослепительно сиял.

У всех присутствующих перехватило дыхание.

Каждому, кто хоть раз читал Канон Богов или слышал имена древних божеств, было известно: излюбленным оружием Бога Света Фаз были золотые лук и стрелы. И теперь, когда проявились следы Фаз, а у стен Старого замка Роз увидели человека с луком, его личность не вызвала никаких сомнений.

Освальд на мгновение опешил:

— Это лишь образ или реальное видение?

— Это реальная сцена, Ваше Величество, — ответил Доэн. — Жрец Могли утверждает, что все происходило именно у стен Старого замка Роз.

Освальд все еще сомневался:

— А не мог ли... кто-то просто притвориться Фаз?

Пока никто не смотрел в его сторону, Кевин едва заметно покачал головой.

Исключено.

Единственным, кто походил на него лицом, был Мело, созданный богиней Тенис. Нынешние люди знали лишь то, что у каждого божества есть свой тотем, но они не понимали истинного значения этого слова. Они думали, что тотем — это нечто вроде личной печати или подписи для подтверждения личности. На самом же деле настоящий тотем запечатлен на теле каждого божества, выжжен в самой его душе.

Надень Мело такое же белое одеяние, возьми он в руки такой же золотой длинный лук — внешне он действительно стал бы похож на него. Но узор в виде крыла Феникса на шее

подделать невозможно.

К тому же эпоха Новых Богов, к которым принадлежал Мело, миновала еще тысячу лет назад. Сам он давно почивал в сырой земле или, возможно, уже переродился смертным...

Выходит, если Могли действительно зрел реальность и у мужчины в том видении на шее красовался узор Феникса, это мог быть только сам Бог Света Фаэ. Никакой самозванец не сумел бы его изобразить.

Ну и шуточки у судьбы!

На миг Кевину стало одновременно и смешно, и досадно. Он стоит здесь, целый и невредимый, так откуда взялся еще один Бог Света, решивший попозировать у стен Старого замка Роз?

Кого они пытаются разыграть?!

Но жрецам не было никакого смысла лгать в такой момент, а значит...

Справившись с мимолетным замешательством, Кевин опустил голову и нахмурился. Что все это значит? Откуда взялся этот Бог Света у Старого замка Роз?

— Что еще сказал жрец Могли? — голос Освальда дрогнул, словно ему перехватило горло.

— Жрец добавил еще кое-что... — Доэн замялся. Он робко взглянул на Освальда, подбирая слова. По его лицу сразу стало понятно: ничего хорошего они не услышат.

— Я не стану тебя винить, говори прямо, — нетерпеливо бросил Освальд. — Не тяни.

Доэн повернулся к чаше с темной водой, провел пальцем мимо нескольких мерцающих звездных точек и указал на едва различимый Тотем Феникса:

— Жрец сказал, что когда Бог Света Фаэ явился у Старого замка Роз, его белое одеяние было залито кровью, а под ногами лежали бесчисленные трупы, хотя лица разглядеть так и не удалось. А смещение четырех песчинок означает... означает, что на нашу страну обрушится великое бедствие, способное разрушить ее до основания. Он чувствует, что эти два события тесно связаны, но к какому именно исходу это приведет, предсказать не может.

Освальд мгновенно изменился в лице.

Возвращение Бога Света Фаэ казалось чем-то из ряда вон выходящим, во что невозможно поверить. Услышь Освальд об этом при других обстоятельствах, он бы просто удивился и отправил людей проверить окрестности Старого замка Роз, но не стал бы придавать этому большого значения — сейчас перед ним стояли куда более насущные проблемы.

Но раз уж это невероятное пророчество напрямую касалось выживания Королевства Золотого Льва, проигнорировать его он не мог.

Помолчав немного, он кивнул и хмуро произнес:

— Хорошо, я понял. Продолжай следить за чашей воды. Если что-то изменится, немедленно докладывай.

— И еще, — он перевел взгляд на южную чашу, которая лишила разума жреца Могли. — За этой тоже присматривай. Позже я пришлю в обсерваторию подкрепление.

Закончив, он кивнул Кевину:

— Чего ты опять завис? Идем.

Они оседлали гиппогрифов и, натянув поводья, направились напрямиком к Висячему замку.

Гиппогрифы расправили крылья и помчались по подвесной цепной дороге со скоростью ветра, в мгновение ока оказавшись у ворот Висячего замка. Однако Освальд не стал останавливать зверя: он натянул поводья, направляя его прямо к высокой крепостной башне.

— Зачем мы здесь? — спросил Кевин.

Освальд спешил и повел его внутрь башни, к самому краю смотровой площадки.

Это была самая высокая точка Сент-Антиса. Отсюда открывался вид почти на весь имперский город. Темные, массивные крыши домов выглядели величественно и спокойно — это зрелище одновременно будоражило душу и вселяло странное умиротворение.

Подобной силой успокоения обладало Королевство Золотого Льва, выстоявшее под натиском тысячи лет бурь и невзгод.

— Веришь ли ты, что Фаэ может снова явиться в этот мир? — глухим голосом спросил Освальд.

Кевин переспросил:

— Ты имеешь в виду Бога Света или Фаэ?

— Разве есть разница? — Освальд бросил на него короткий взгляд.

Кевин кивнул:

— И огромная... Эпоха богов уже прошла.

Освальд не до конца понял его слова, но продолжил:

— Пусть я и удивился, но в глубине души я верю в это. В Гробнице Бога Фаэ, внутри самого божественного изваяния, я обнаружил следы ног, но тела там не было. Интуиция подсказывает мне: Фаэ жив.

Он помедлил и добавил:

— И что самое странное... мне кажется, Бог Света Фаэ где-то совсем рядом.

Кевин: «...»

Не дождавшись ответа, Освальд вновь повернулся к нему:

— Что, мои мысли кажутся тебе нелепыми?

Кевин выдавил короткий смешок:

— Вовсе нет.

— Пусть эпоха богов и миновала, но отголоски того времени то и дело напоминают о себе, — Освальд небрежно указал в сторону оставшейся далеко позади обсерватории Палаты жрецов.

— Далеко ходить не надо — взять хотя бы наших жрецов. С самого рождения они способны ведать о вещах, скрытых от взора обычных людей, видеть сокрытые картины и предсказывать будущее, предвещая расцвет или гибель государств. Все это, очевидно, наследие божественной эпохи. То же касается и Расы духов: хоть их колдовство и требует обучения, их врожденный дар, несомненно, берет начало из божественного наследия, пусть они и считаются лишь побочной ветвью.

Он редко говорил так много, и Кевин невольно повернулся к нему:

— Ты так отчаянно пытаешься доказать, что божественный след все еще не стерся?

Освальд запнулся и после недолгого молчания ответил:

— Не просто доказать... Если речь идет о Фаэ, я бы очень хотел, чтобы он существовал.

Кевин давно замечал, что Освальд всегда относился к древним богам благосклоннее, чем к Новым Богам. И то, что его симпатия к Фаэ превосходила отношение ко всем прочим божествам, Кевин тоже знал, хотя никогда не понимал причин.

Когда-то, будучи Богом Света, он мало обращал внимания на подобные вещи, а став обычным человеком, и вовсе перестал заботиться о чужом мнении. Но сейчас, опершись локтями о железные перила башни и подперев подбородок согнутыми пальцами, Кевин с интересом поглядел на Освальда и вдруг спросил:

— Почему?

Освальд опешил:

— Что?

— Почему тебе так нравится Фаэ? Потому что он Бог Света?

<http://bllate.org/book/18285/1753230>